

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 2 (65)
2024**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффа Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан);
Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2024

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 2 (65)
2024**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

Сталинов Г.А. *, Солоненко Е.А.

НИУ ВШЭ, ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000
E-mail: gstalinov@hse.ru (Сталинов Г.А.); esolonenko@hse.ru (Солоненко Е.А.)

КОЛЛЕКТИВНАЯ РЫБАЛКА С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА КАК ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ПРОМЫСЛА НЕКОРЕННЫХ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ

Позитивная дискриминация коренных народов в рамках распределения прав на добычу биоресурсов несколько десятилетий является поводом для дискуссий среди социологов и специалистов в области социальной антропологии. Основываясь на наблюдениях и интервью, проведенных в одном из прибрежных районов Приморского края, где право на вылов лососевых получают только коренные жители, мы делаем вывод, что сельские полиэтничные сообщества могут коллективно использовать даже индивидуальные квоты для частичной легализации промысла рыбаков из числа некоренных жителей.

Ключевые слова: КМНС, квоты на вылов лососевых, неформальное природопользование, браконьерство, Дальний Восток, Приморский край.

Ссылка на публикацию: Сталинов Г.А., Солоненко Е.А. Коллективная рыбалка с представителями коренных малочисленных народов Севера как легализация промысла некоренных сельских жителей в Приморском крае // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. 2. С. 191–202. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-65-2-17>

Введение

В России проживают представители 40 коренных малочисленных народов Севера, Сибири Дальнего Востока (КМНС) [ПП № 255, 2000]. Считается, что природопользование — основа традиционного уклада жизни КМНС, поэтому они получают права на добычу биоресурсов: рыбы, дичи, древесины. На Дальнем Востоке представители КМНС получают квоты на вылов лососевых пород рыб, особо важных для заготовки зимнего продовольственного запаса. В то же время некоренные сельские жители, которые несколькими волнами в дореволюционное и советское время заселяли Дальний Восток и также привыкли жить, добывая красную рыбу, лишены возможностей легального лова (не считая немногочисленных участков для любительского и спортивного лова, которые встречаются даже не в каждом районе). Они вынуждены для пропитания и заработка ловить рыбу нелегально, рискуя попасть под уголовную ответственность, и по закону являются браконьерами. Позитивная дискриминация КМНС уже не один десяток лет вызывает критику, ведь такая политика не только несправедлива по отношению к коренному населению, но и ведет к сегрегации общества и закреплению у КМНС общинного, обособленного образа жизни [Ghurye, 1943; Kenrick, 2009; Kuper, 2017].

Однако есть и противоположная точка зрения: особые права малочисленным народам необходимы, чтобы сохранить свои традиционные ценности, язык, культуру и т.д. Вопрос о благотворности преференций для КМНС в сфере природопользования остается открытым, чему способствует и зачаточное для данной области состояние правовой системы. Многие термины размыты: например, чтобы соблюсти условие занятия «традиционным природопользованием», представитель КМНС может быть вынужден отказаться от использования современной техники [Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда, 2018]. Такие требования, с точки зрения самих малочисленных народов, являющиеся насильственной архаизацией¹.

Некоторые исследователи считают, что наделение местных общин правами на ведение рыболовства может способствовать вовлечению в рыбалку некоренного населения [Davis, Jentoft, 2001]. Несмотря на живую дискуссию, не хватает исследований о том, как преференции в сфере природопользования реализуются на микроуровне, в какой ситуации фактически ока-

* Corresponding author.

¹ Из интервью с вице-президентом АКМНС РС (Я) в экспедиции в г. Якутск, 2019 г.

зываются односельчане без официальных прав на природопользование и как меняются отношения между представителями разных этносов под влиянием дифференцированного доступа к биоресурсам. На примере одного из прибрежных районов Приморского края мы постараемся показать, что последствия реализации индивидуальных квот для КМНС на вылов лососевых, которые однозначно являются позитивной дискриминацией, не так однозначны.

Подходы к пониманию права коренных народов на присвоение природы

В современной литературе признается ценность индигенного взгляда в вопросах управления природными ресурсами и биоразнообразием [Kettunen, Cuxil, 2021; Poirier, Ostergen, 2002]. Системы знаний коренных народов часто противопоставляются антропоцентрическому подходу к дикой природе. Считается, что «коренная» перспектива в отличие от западно-ориентированных подходов способна стать решением глобальных экологических проблем [Urzedo, Robinson, 2023], а также вопросов локальных сообществ по части природопользования [Obiero et al., 2023]. Этнографы и антропологи часто обращают внимание на особое восприятие природы, которым наделены именно коренные народы, так как они не прерывали свой контакт с ней [Roder et al., 2016; Mahato, 2015; Новикова 2019; Давыдов и др., 2016]. Несколько десятилетий социологи и антропологи призывают вовлекать коренные народы в процессы управления территориями их проживания и сферу защиты природы [Davis, Jentoft, 2001; Colchester, 2013; Hiriart-Bertrand et al., 2020; Girard et al., 2022]. В США, например, к вопросам контроля за природопользованием привлекают консультантов из представителей коренных народов [Colchester, 2013], в Норвегии с 1989 г. существует Саамский парламент, который принимает решения по поводу природопользования на исконных территориях обитания саамов [Davis, Jentoft, 2001].

Преимущественные права на пользование природными ресурсами, с одной стороны, компенсируют вред со стороны колониальных держав культурам коренных народов, с другой — являются механизмом помощи для поддержания традиционного образа жизни народа в современных реалиях. Тем не менее государственная политика по данному вопросу разнится. Например, в Индии существование коренных народов отрицается из-за отсутствия надежных способов определить, какой народ более коренной [Shah, 2007]. По мнению Купера, современное западное представление о коренных народах воспроизводит мифы о благородных дикарях, сконструированные антропологами. На самом же деле представители коренных народов не обладают никакими особыми навыками и знаниями о природе, если их сравнивать с другими сельскими жителями, а не с горожанами [Купер, 2017]. Очевидно, что этот миф усилиями антропологов и политиков воспроизводится и среди самих аборигенов. Даже сторонники позитивной дискриминации пишут, что особые права для коренных народов усиливают их идентичность [Hiriart-Bertrand et al., 2020].

В пользу последних выступает аргумент от противного: возведение экономических практик представителей коренных народов в ранг незаконных не только влечет за собой потерю административной силы и отстранение от участия в управлении территорией [Simon, 2013; Stammler, Ivanova, 2016], но также приводит к стигматизации этничности и ассоциации ее с определенными нелегальными практиками, что не может не оставлять отпечатка на идентичности представителей народа [Hiah, 2022]. Однако те же аргументы применимы и к некоренным сельским жителям: например, в Приморском крае сельские рыбаки из некоренных, которые из-за запретов на вылов вынуждены вести нелегальный промысел, воспринимают себя «ворами», ведь контролирующие органы их регулярно ловят за руку и подвергают санкциям [Позаненко, 2022].

Преимущественное право КМНС на природопользование оспаривается именно по отношению к некоренным сельским жителям. При появлении более властных акторов им противопоставляется совокупный частный промысел, без акцентного выделения этничности. Так, на фоне промышленного освоения биоресурсов любые права на добычу людям, занимающимся индивидуальной рыбалкой или охотой, оказываются морально оправданными [Spook et al., 2022; Шевляков, 2013].

Право на использование человеком природных ресурсов также осмысливается с позиции «человек/природа», где норма справедливости основывается на том, как люди понимают свое право на пользование природным ресурсом (rights-to-nature) и право природы оставаться нетронутой или быть восстановленной (rights-of-nature) [Merilainen, Lehtinen, 2022].

Реализация прав на традиционное природопользование в России

Правовые основы «традиционного природопользования» коренными народами в мировом и российском праве подробно описаны антропологами [Новикова, 2014; Паникарова, 2014; Тураев, 2017]. Выделим только то, что особые права коренные народы начали получать с введения Конвенции ООН «О коренном и другом населении, ведущем племенной образ жизни» 1957 г., а поня-

тие «традиционное природопользование» вошло в обиход на рубеже 1980–1990-х гг. [Абрамов, 2021]. Особенный юридический статус в рамках природопользования КМНС был закреплен в 1990-х [ФЗ № 82, 1999], после чего исследователи неоднократно отмечали имитационный характер регулирования прав коренных народов в России [Кондрашев и др., 2010; Prina, Tomaselli, 2016].

Коренные ведут вылов, основываясь не на государственном законодательстве, а на «обычном праве» [Новикова, 2020] / «своем законе» [Wilson, 2002] / «моральном законе» [Пивнева, 2019] / «моральном праве» [Рахманова, 2019]. Юридические коллизии не позволяют коренным жителям вести промысел легально [Абрамов, 2021; Тураев, 2017]. Так, индивидуальную квоту могут не одобрить по бюрократическим причинам (смена фамилии, ошибка в заявке и т.д.). Кроме того, в установленный промысловый сезон может не быть погоды для рыбалки, а разрешенные орудия лова могут не соответствовать технической необходимости или исторической практике и т.д. В таких ситуациях коренные жители становятся вынужденными браконьерами. Некоторые рыбаки даже осознанно отказываются от официальных разрешений из-за бюрократической волокиты, которая для них страшнее потенциальных штрафов [Пивнева, 2019]. Существуют «свободные пространства» (т.е. несовершенства законодательства и белые пятна в работе контрольно-надзорных служб), в которых промысел можно вести именно в «соответствии со своим законом» [Давыдов, 2019]. Например, на Севере и Дальнем Востоке «огромные участки ответственности инспекторов не позволяют в полной мере контролировать реку» [Абрамов, 2017]. В Каспийском бассейне браконьерство развивается под «крышей» правоохранительных органов [Ермолин, 2015; Ермолин, Суворков, 2020].

Но нелегальные практики маргинализируют сельское население [Ермолин, Суворков, 2020; Позаненко, 2022], и «большинство людей хотя бы частично пытаются легализовать свой промысел, признанный государством противоправным» [Абрамов, 2017]. Для КМНС именно такой частичной легализацией становится формальная индивидуальная квота на вылов 50–300 кг ценных пород рыб, сверх которой они значительно перелавливают [Simonova, Davydov, 2016]. А старожильческое население тех же мест, которое уже в значительной степени адаптировалось и смешалось с коренными жителями, такую квоту не получает, хотя понятия моральной экономики и морального права применимы ко всему сельскому населению. К тому же в хозяйстве коренных народов смешались элементы рыночной и натуральной экономики [Gladun et al., 2022], и аутентичной аборигенной экономики уже не существует, «в современных условиях традиционность жизни определяется не формами жизнедеятельности, существовавшими в далеком прошлом, а самим фактом жизни на селе» [Тураев, 2017]. Рыболовством сельские жители занимаются ради финансового дохода, а не только ради личного потребления, что одинаково позволяет всем этносам «адаптироваться к современным условиям рыночной экономики и высокого уровня безработицы» [Пивнева, 2019].

Однако все же в российском поле этнографы и антропологи фокусируются преимущественно на практиках природопользования КМНС [Донахо, Истомин, 2010; Абрамов, 2017; Симонова, 2021], при этом почти игнорируя некоренных сельских жителей [Позаненко, 2022]. Безотносительно КМНС пишут в основном о браконьерских рыболовных практиках [Wilson, 2002; Шевляков, 2013; Ермолин, 2015; Ермолин, Суворков, 2020; Svolkinas et al., 2023], что логично вытекает из повсеместно распространившихся в России запретов на лов ценных пород рыб в связи с ослаблением контроля за природопользованием в 1990-е и 2000-е [Ермолин, Суворков, 2020]. И в этих условиях получается, что некоренное население имеет больше возможностей легализации промысла в местах сожительства с представителями КМНС, где старожилы могут участвовать в рыболовном промысле через территориально-соседские, родовые общины². Такую межэтническую кооперацию исследователи отмечают на Байкале [Давыдов, 2019], на Сахалине [Новикова, 2020]. Обычное право аборигенов Приамурья, например, позволяло чужеземцам рыбачить на родовых землях, рыболовные угодья никогда не фиксировались в собственность, в отличие от охотничьих угодий, которые, впрочем, могли находиться в той же местности. Например, промысел пушнины с помощью петель и ловушек в пойме речки мог вести только ее владелец, но ловить рыбу там могли все, в том числе представители иных родов и народов [Штернберг, 1933]. Конкуренцию по поводу охотничьих угодий можно видеть и в современности: например, в ХМАО попытки коренных вытеснить из охотничьего промысла русских доводили до открытой

² Здесь и далее имеются в виду учрежденные в соответствии с ФЗ-104 («Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации») общины КМНС: территориально-соседские (ТСО), родовые (РО).

конфронтации [Абрамов, 2021]. Но рыболовство и охота на морского зверя — повсеместно менее конкурентная форма хозяйствования, для рыбной ловли на чужой территории исторически разрешение не требовалось у тофаларов [Донахо, Истомин, 2010], гренландских эскимосов [Нансен, 2021]. У ненцев увеличение количества рыболовных семей в начале XXI в. привело парадоксально не к конкуренции, а к стиранию существовавших ранее имущественных прав на рыболовные участки, называвшиеся «мара» [Донахо, Истомин, 2010]. Кроме того, у некоторых коренных народов был распространен обычай делиться добычей морского промысла со всеми соплеменниками [Старцев, 2005]. Сегодня коренные жители Дальнего Востока при богатой добыче делятся не только с родственниками, но и с иноэтничными соседями [Березницкий, 2020].

Но многие общины в 2010-х были лишены рыболовных участков, они зачастую выдавливаются из промысла крупными компаниями [Тураев, 2017]. Далеко не всегда члены общины имеют право на добычу от промысла, многие общины организованы внешними владельцами как наемные браконьерские бригады [Тураев, 2017], а иногда даже и местный учредитель общины эксплуатирует в ней своих соседей и родственников вплоть до работы за еду [Березницкий, 2020]. На данный момент государство смещает акцент в поддержке КМНС с общин на индивидуумов [Тураев, 2017]: готовится единый список лиц, причисленных к КМНС, на основе которого будет построен механизм выделения индивидуальных квот на вылов лососевых на Дальнем Востоке и других территориях [ПП РФ № 1520, 2020], который в очередной раз закрепит позитивную дискриминацию, ведь в список не включают некоренных старожилов Дальнего Востока, в некоторых районах ранее также получивших индивидуальные квоты. Этот перечень позволит решить проблемы заявительного принципа выделения индивидуальных квот [Тураев, 2017], но создаст еще больше преград для промысла старожилов, что спровоцирует развитие вынужденного браконьерства.

У исследователей нет единого мнения о том, как эти процессы влияют на отношения между представителями разных этносов в селах. Ведь лишение только части членов полиэтничного сообщества возможности ловить рыбу может вызвать у них чувство несправедливости, рост социальной напряженности в селах, как это было, например, при вытеснении русских из охотничьего промысла в ХМАО [Абрамов, 2021].

Методы

Исследование основано на полевых материалах, собранных в одном из прибрежных районов Приморского края, где проживают представители КМНС. Сбор данных проходил в экспедиции «Исследование практик неформального природопользования на территории Приморского края», организованной в рамках программы НИУ ВШЭ «Открываем Россию заново» под руководством А.А. Позаненко осенью 2019 г. Полевой этап занял 12 дней и проходил в 8 деревнях. На каждую деревню был отведен 1 рабочий день.

Были проведены полуструктурированные интервью и наблюдения в селах, на окрестных реках и морском побережье, на рыбалках местных жителей. Интервью мы брали отдельно, информантов находили методом свободного поиска и снежного кома. Итоговое количество информантов — 61, среди которых коренные и некоренные сельские жители, соседствующие друг с другом.

Значение природопользования в сельских хозяйственных укладах Приморского края

Большая часть жителей изученных сел занимается добычей и продажей биоресурсов. В большинстве сел это почти безальтернативный источник дохода, с которым не сравнится ни официальная работа, ни сельскохозяйственные занятия. Сезоны промыслов в Приморском крае последовательно сменяют друг друга. Зимний сезон охоты на соболей, кабанов и изюбрей начинается 1 ноября и открыт до 15 января. После месячного перерыва на учет зверя начинается охота на водоплавающих. В мае — июне сезон ловли симы³. С июля по конец сентября наступает пора женьшеня. Конец сентября и большая часть октября уходят на ловлю кеты, после чего начинается сезон кедровой шишки.

Сбор кедрового ореха является единственным легальным промыслом, который может обеспечить семье достаточный годовой доход, но только в урожайный год, за которым следуют три-пять неурожайных. Все прочие промыслы, которые могут обеспечить домохозяйствам достаточный для проживания финансовый доход, являются частично или полностью нелегальными. Стабильный по добыче и наиболее доходный промысел — ловля кеты. За короткий месячный сезон заядлый браконьер вылавливает несколько тонн красной рыбы и вместе с икрой

³ Рыба семейства лососевых.

продает на сумму 1–1,5 млн руб. Спрос на красную икру не падает уже много лет, а цены постоянно растут. Эта ситуация характерна для большей части тихоокеанского побережья России, о чем свидетельствуют исследования, проведенные на Сахалине [Simonova, Davydov, 2016] и на Камчатке [Шевляков, 2013].

Сезон рыбной ловли характеризуется также высокой социальной напряженностью. Идет гонка за рыбным ресурсом. На промысел выходит не только сельское сообщество, нелегально вылавливают рыбу также прибывающие в бухты под предлогом шторма северокорейские шхуны. На водоемах осуществляют контроль Пограничная служба ФСБ, Приморская государственная морская инспекция (ПГМИ), Рыбнадзор. Работники служб конфискуют у браконьеров сети и вменяют штрафы, происходит конфронтация пограничников и мореходов из Северной Кореи, порой доходящая до вооруженных столкновений [Локтионова, 2019].

В это время деревни на нерестовых реках и морских побережьях особенно наполняются людьми. К жителям приезжают родственники, целые семьи возвращаются в оставленные под дачу дома на весь месяц. Под сезон рыбной ловли горожане берут отпуска.

На реке в одном из исследованных сел лодки с сетями стоят на расстоянии 10 м друг от друга, раз в полчаса промысловики проверяют сеть; звук мотора означает близость инспектора, заслышав его, люди без разрешения на рыбалку выбегают на берег, оставляя сети в воде. Местные инспекторы Рыбнадзора, по словам наших информантов, своих рыбаков покрывают. Однако при очевидности практики договора между местными жителями и представителями контролирующих органов нельзя выделить единого принципа, по которому происходит договоренность. Бывают ситуации, в которых инспектор назначает штрафы даже «своим». Причиной может служить жалоба на инспектора в вышестоящие инстанции от недоброжелателей. Кроме того, даже договоренность с рыбинспектором из местных жителей не избавляет рыбака от опасности быть пойманным командированными инспекторами или пограничниками.

Браконьерам может грозить конфискация сетей, большой штраф, а в некоторых случаях даже условное лишение свободы. Если на охоте частичной легализацией промысла становится путевка на любого зверя, которая позволяет охотнику спокойно перемещаться по лесу с ружьем, то в море и на реке любой, у кого в лодке лежит сеть или более двух хвостов красной рыбы, становится преступником, если только он не получает индивидуальную квоту КМНС.

Реализация индивидуальных квот КМНС на вылов лососевых

Представители КМНС составляют менее 5 % численности населения района, в котором осуществлялось исследование. Носителей родного языка почти не осталось. Коренные проживают бок о бок с представителями других национальностей преимущественно в одно- или двухквартирных домах, построенных в советское время. Межэтнические различия в ведении хозяйства стерлись, и независимо от национальности сельские жители воспроизводят одни и те же хозяйственные практики (то же касательно Дальнего Востока отмечает В.А. Тураев [2017]): огородничество, охота, собирательство и рыбалка. Более того, некоторые получатели квот из числа КМНС фактически проживают в городе и работают на промышленных предприятиях, но сохраняют место прописки в родительском сельском доме, чтобы приезжать в отпуск на рыбалку.

В районе всего одна община КМНС в деревне Е, которая владеет охотничьими угодьями, но не имеет в распоряжении рыболовных участков и к тому же находится на удалении от моря, где есть потенциальная возможность получить участок для ловли лососевых. Поэтому в сфере рыбалки право на природопользование с целью поддержания традиционного образа жизни реализуется только через индивидуальные квоты, а иноэтничные сельские жители не могут легально участвовать в промысле через общину.

При этом сами представители коренных народов часто не знают, какими документами они могли бы в настоящее время подтвердить свою национальность, ведь в паспорте никаких соответствующих пометок уже не делается и также отменены вкладыши в паспорт, которые ранее выдавали КМНС. Многие из информантов при вопросе о подтверждающих документах не вспомнили про свидетельство о рождении, где указана национальность. Другие вспоминали, что в 1990-е и 2000-е представители коренных народов стеснялись своей этничности и при возможности записывали детей русскими, особенно в смешанных семьях. В настоящее время их дети вынуждены доказывать свой статус через суд. Современные смешанные семьи ребенку в свидетельстве о рождении указывают национальность родителя — представителя КМНС, чтобы домохозяйство получило дополнительную квоту. Таким образом, официальная числен-

ность КМНС может со временем увеличиться, несмотря на фактическую ассимиляцию, умирание языка и традиций коренных народов.

Соответственно легальный доступ есть только у отдельных лиц, имеющих подтверждение своей принадлежности к народу, состоящему в перечне КМНС РФ. Получатели квот почти за год подают заявки и при отсутствии ошибок в документах получают разрешение на вылов симы в мае — июне и кеты в сентябре — декабре. Каждая квота позволяет выловить сетью от 50 до 150 кг кеты или симы в зависимости от сезона. Чаще всего квоты составляют в совокупности 200 кг на человека, чего обычно хватает на зимний запас для домохозяйства. Квота не подразумевает возможности продажи рыбной продукции. Однако фактически улов никогда не заносят в документы (индивидуальные рыболовные журналы) и ловят сверх квоты столько, сколько считают нужным:

Инт: А их [туши рыб] реально взвешивают?

Инф: На глаз [инспектор] пришел-проверил, бывает, придут и скажут (далее информант воспроизводит диалог с инспектором):

— Че, давай взвешиваем? (инспектор).

— Взвешивай (информант).

— А че, весы есть? (инспектор).

— А они мне че, нужны? Тебе надо записать, ты и взвешивай (информанты).

Каждый день проверяют, записывают фамилию, сколько поймал. За этот месяц надо успеть выловить 100 кг.

Инф: А больше не дадут выловить?

Инт: Не дадут... Ну дадут, если они не увидят⁴.

То есть, с точки зрения закона они тоже являются браконьерами. Основную ценность для продажи представляет икра, которую сбывают скупщикам или напрямую в город, а избытки рыбных туш выкидывают в леса и реки. Точно так же ловят лососевых сверх квоты ради заработка КМНС в других регионах [Шевляков 2013; Simonova, Davydov 2016]. Квота фактически становится легальным доступом к речной рыбалке, а прописанный в ней объем имеет второстепенное значение. Один из информантов прямым текстом сказал, что ему неважно, какую по объему квоту ему выделяют, он «все равно выловит тонну». Осознание выгоды и безопасности своего положения среди КМНС обусловлено еще и отсутствием эффективных регулирующих механизмов. Сотрудники контролирующих органов, видя представителей коренного малочисленного народа, редко прибегают к взвешиванию улова и верят рыбакам на слово.

Некоторые информанты из некоренных считали, что люди, зарегистрированные на территории поселения компактного проживания КМНС дольше 15 лет, могут претендовать на получение прав по части добычи биоресурсов, однако на самом деле старожильческое русское население уже не получает индивидуальные квоты, хоть и нуждается в рыбе не меньше коренных [Тураев, 2017]. Эти информанты из числа некоренных старожилов, несмотря на свое заблуждение, осознанно не пробовали подавать заявку на получение квоты, продолжая заниматься промыслом незаконно. Люди, основной заработок которых сосредоточен на вылове и последующей продаже рыбы, предпочитают один раз попасться, лишиться улова и купить новые сети, чем отказаться от приносящего прибыль промысла.

К тому же, несмотря на их уязвимое положение, инспектору довольно трудно задержать браконьера и позже доказать в суде, что он занимался незаконным промыслом. Для этого инспектор должен поймать человека либо с сетью и уловом в лодке, либо в процессе проверки сети. Большую часть времени промысла рыбак сидит в ожидании косяка рыбы, который попадет в сеть, поднимаясь вверх по реке на нерест, а весь улов после переборки сети выкидывает в прибрежные кусты, чтобы можно было сделать вид, что рыба и сеть ему не принадлежат, а он лишь отдыхает в лодке на реке. Подробно проблемы доказательств факта незаконного изъятия биоресурсов описала Л.Я. Рахманова [2019].

Но инспектор все равно обязательно срежет сеть, заберет рыбу, а к тому же может изъять лодку и при поимке с поличным выписать штраф, поэтому большинство рыбаков стремятся к максимально безопасному промыслу. Информанты из числа некоренных из-за отсутствия легального доступа к рыбе в окрестных реках чувствуют несправедливость по отношению к себе. Это чувство разделяют и представители КМНС, подтверждая, что их односельчане — некоренные жители ведут схожий образ жизни, родились в той же местности и поэтому имеют право

⁴ Интервью с молодым представителем КМНС.

Коллективная рыбалка с представителями коренных малочисленных народов Севера...

ловить рыбу. Отчасти из-за этой солидарности чувство несправедливости не перерастает в ненависть между коренными и некоренными жителями.

Эта же солидарность воспроизводится через практики взаимовыручки в форме совместной рыбалки. Так, местные жители рассказывали о том, как кооперируются с представителями КМНС, чтобы выходить вместе на рыбалку. Компания из нескольких человек выезжает и ставит сеть или несколько сетей неподалеку друг от друга. При появлении представителей Рыбнадзора ответственность за улов и сети, использовать которые без разрешения запрещено, берет на себя получатель квоты, что позволяет избежать штрафов и конфискации рыбы. О такой стратегии легализации промысла свидетельствовал и работник лодочной станции в одном из сел:

Отъедешь вот сейчас от [села] на 3–4 км и увидишь, как стоит куча лодок и один этот... сидит. А как пограницы подойдут, так он говорит, что все сети в море его. Так вот они и рыбачат....

Пожилые представители КМНС, которые уже физически не могут ловить себе рыбу, неформально делегируют льготные квоты младшим родственникам. В отдельных случаях представители КМНС передавали свои лицензии не только родственникам, а даже односельчанам, не относящимся к КМНС, которые в одиночку рыбачили по чужой индивидуальной квоте. В итоге рыбак с чужой квотой заготавливал икру на продажу, а получателю квоты — рыбу впрок на всю зиму.

Таким образом, даже при отсутствии у родовых общин квот на вылов сельским жителям удается объединяться в неформальные полиэтничные общины, в которых некоренные тоже получают возможность участвовать в промысле. В таком случае индивидуальные квоты одновременно служат формальным прикрытием вылова сверх разрешенного объема со стороны КМНС и ведения промысла некоренными старожилами. Эта кооперация происходит, во-первых, потому, что внутри сел фактически нет межэтнических барьеров, которые выстраивает законодательство: люди поддерживают соседские отношения, вступают в браки, выходят на совместный промысел независимо от своего происхождения. Во-вторых, коренные осознают, что образ жизни и хозяйство старожилов не отличаются от их собственного и последние точно так же нуждаются в рыбе, но обделены в правах на вылов. Таким образом, практика коллективной межэтнической рыбалки, с одной стороны, является естественным отражением развитых в сельской местности родственных и соседских социальных связей между представителями разных этносов, с другой — позволяет домохозяйствам адаптироваться в условиях лишения старожильческого населения легальной возможности вести промысел, заготавливать рыбу на зиму, получать дополнительные заработки.

Выводы

В природно-климатических условиях Севера, Сибири и Дальнего Востока рыба и мясо диких животных исторически служили источником пропитания не только коренных народов, но и переселенцев. Даже ссыльные крестьяне на Сахалине могли адаптировать свой хозяйственный уклад к природно-климатическим условиям, только в значительной степени перейдя на рыбные запасы в ущерб хлебопашеству [Чехов, 1895]. Так же и сейчас в сельской местности Приморского края из-за недостатка рабочих мест неформальный лососевый промысел для многих домохозяйств становится безальтернативной хозяйственной стратегией.

Парадоксальным образом индивидуальные квоты на вылов лососевых для КМНС — проявление позитивной дискриминации коренных народов — не рушат солидарность внутри полиэтничного сообщества, но стимулируют общее для сельского населения чувство несправедливости. Эта солидарность на самом деле может объясняться и тем, что вне зависимости от национальности рыбаки чаще всего формально являются браконьерами, ведь индивидуальная квота дает лишь формальный доступ к ведению промысла, но коренные вылавливают сверх положенных объемов и поэтому тоже находятся в конфронтации с правоохранительными органами. Так же парадоксально позитивная дискриминация КМНС влияет на коллективный хозяйственный уклад полиэтничного сообщества. Люди объединяются для совместного лососевого промысла, через коллективную хозяйственную деятельность и реципрокные практики добиваются реализации морального права на присвоение природы членами локального сообщества вне зависимости от национальности.

Однако, несмотря на то что сельским жителям удается побороть несправедливость, их морально оправданные практики совместной рыбалки во избежание дальнейшей маргинализации некоренных жителей должны быть легализованы. Равные права на доступ к рыбе можно обеспечить в форме наделения правами на рыбалку сельских общин без требований к доле представителей КМНС среди участников. Такие формы вовлечения некоренных в рыбалку предла-

гали и в других странах, например в Норвегии [Davis, Jentoft, 2001], и институт общин уже сейчас во многих регионах России позволяет старожилам участвовать в рыболовном промысле [Давыдов, 2019; Новикова, 2020]. В 2010-х гг. многие общины потеряли рыболовные квоты или были ликвидированы [Тураев, 2017], что должно было больше ударить по их некоренным членам, которые разом потеряли возможность рыбачить, когда коренные продолжали получать хотя бы индивидуальные квоты. Описанная выше рыбалка в изученном нами районе стала адаптивной практикой легализации промысла старожилов, но все равно она не может компенсировать продолжающееся сокращение «свободного пространства» для рыболовного промысла сельского населения.

Благодарности. Благодарим А.А. Позаненко (НИУ ВШЭ) — за организацию экспедиции, Л. Галиеву, П. Донских — за участие в сборе материалов, С.С. Селееву, В.Н. Бочарникова (ТИГ ДВО РАН), Т.Н. Журавскую — за помощь в организации экспедиции, а также рабочую группу ФСН НИУ ВШЭ «Подготовка чиновников по особым поручениям» — за обсуждение трудов, основанных на полевых исследованиях, которые использовались при написании статьи.

Финансирование. Проект «Открываем Россию заново» НИУ ВШЭ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов И.В. Этносоциальный контекст промысла сиговых рыб на р. Северная Сосьва: Формальные правила и неформальные практики рыболовства // Духовная и материальная культура манси. Екатеринбург, 2017. С. 6–22.

Абрамов И.В. Родовые угодья без родовиков — отражение политики традиционного природопользования (на примере западных районов ХМАО — Югры // Вестник антропологии. 2021. С. 324–339. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-54-2/324-339>

Березницкий С.В. Реципрокные связи в промысловых технологиях коренных народов Амуро-Сахалинского региона // Кунсткамера. 2020. № 1. С. 127–134. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-1\(7\)-127-135](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-1(7)-127-135)

Гладун Е.Ф., Нистен-Хаарала С., Тулаева С. А., Захарова О.В. Экономика коренных народов в арктических регионах: Традиции и трансформации (на примере России, Финляндии, США) // Экономическая социология. № 3. С. 11–41. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-3-11-41>

Давыдов В.Н. Неформальное природопользование на Северном Байкале: Добыча биоресурсов в свободных пространствах // ЭО. 2019. № 4. С. 76–88. <https://doi.org/10.31857/S086954150006193-2>

Давыдов В.Н., Симонова В.В., Сем Т.Ю., Брандишаускас Д. Огонь, вода, ветер и камень в эвенкийских ландшафтах: Отношения человека и природы в Байкальской Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2016. 196 с.

Донахо Б., Истомин К.В. Изменение практики регулирования доступа к природным ресурсам у некоторых оленеводческих народов Сибири: Попытка теоретического обобщения // Новые исследования Тувы. 2010. № 4. С. 55–119.

Ермолин И.В. Процессы коммунального саморегулирования «неформальной» экономики на примере прибрежного рыболовства в Сулаке, Республика Дагестан // Экономическая политика. 2015. Т. 10. № 1 С. 159–176.

Ермолин И.В., Суворков П.Э. На пути к теории «автономного» сообщества: экс-полярные экономические структуры прибрежного рыболовства на юге России // Мир России: Социология, этнология. 2020. Т. 29. № 2. С. 156–178. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-2-156-178>

Кондрашев А.А., Зенкина А.Б., Роньжина О.В. Правовой режим арктических территорий РФ и предоставление особых прав коренным (аборигенным) народам // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2018. Т. 18. № 1. С. 59–78. <https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.5978>

Нансен Ф. На лыжах через Гренландию: Жизнь эскимосов / Предисл. В. Боярского. М.: Паулсен, 2021. 304 с.

Новикова Н.И. Охотники и нефтяники: Исследование по юридической антропологии. М.: Наука, 2014. 407 с.

Новикова Н.И. Аборигенное предпринимательство в России: Ресурсы, технологии и социальные институты // Вестник антропологии. № 2 (46). 2019. С. 5–18. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2019-46-2/5-18>

Новикова Н.И. Энергия предпринимательства в традиционном природопользовании коренных народов Севера Сахалина // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 3 (36). С. 127–140. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-127-140>

Паникарова С.В. Традиционные экономические институты коренных народов и их роль в становлении институциональной структуры полиэтнических регионов // Мир России: Социология. Этнология. 2014. Т. 23. № 3. С. 124–149.

Пивнева Е.А. «Сколько весит рыбий хвост?»: Этничность и бюрократия в традиционном рыболовстве на Обском Севере // Вестник антропологии. 2019. № 2. С. 86–102. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2019-46-2/86-102>

Позаненко А.А. Восприятие человеком своей роли в окружающей природе. Парадокс Приморья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 3 (58). С. 165–173. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2022-58-3-15>

Рахманова Л.Я. Рыбаки и контролирующие инстанции на Оби: правоприменение в тени локальных правил игры // ЭО. 2019. № 4. С. 45–60. <https://doi.org/10.31857/S086954150006191-0>

Симонова В.В. Тайны ландшафтов эвенков Северного Прибайкалья: Реципрокация знаний и собирательство недревесных лесных ресурсов // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 60–78. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-60-78>

Коллективная рыбалка с представителями коренных малочисленных народов Севера...

Старцев А.Ф. Культура и быт удэгейцев (вторая половина XIX–XX в.) / Науч. ред. А.Р. Артемьев. Владивосток: Дальнаука, 2005. 443 с.

Тураев В.А. Традиционное рыболовство как конфликт интересов аборигенных сообществ, бизнеса и власти // Россия и АТР. 2017. № 2. С. 177–194.

Шевляков Е.А. Структура и динамика нелегального берегового промысла тихоокеанских лососей в Камчатском регионе в современный период // Рыбное хозяйство. 2013. № 2. С. 58–64.

Штернберг Л.Я. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии: С приложением статьи Фр. Энгельса «Вновь открытый случай группового брака». Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1933. Т. 3.

Colchester M. Salvaging nature: Indigenous peoples and protected areas // Social change and conservation. Routledge, 2003. P. 136.

Davis A., Jentoft S. The challenge and the promise of indigenous peoples' fishing rights — from dependency to agency // Marine policy. 2001. Т. 25. № 3. P. 223–237.

Girard F., Hall I., Frison C. Biocultural rights, indigenous peoples and local communities: Protecting culture and the environment. Routledge, 2022. 380 p. <https://doi.org/10.4324/9781003172642>

Ghurye G.S. The aborigines — «so called» — and their future // Gokhale Institut of Politics and Economics. Publication. No. 11. 1943. 232 p.

Hiah J. (Shared) ethnicity in ethnographic research on clandestine and informal practices in the migrant and ethnic minority economy // Work Organisation, Labour&Globalisation. 2022. Vol. 16. No. 1. P. 88–103. <https://doi.org/10.13169/workorgalaboglob.16.1.0088>

Hiriart-Bertrand L., Silva J.A., Gelcich S. Challenges and opportunities of implementing the marine and coastal areas for indigenous peoples policy in Chile // Ocea & Coastal Management. 2020. Т. 193. P. 105233. <https://doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2020.105233>

Kettunen H., Cuxil A. Indigenous People, National Parks, and Biodiversity in The Maya Region // Bridging Cultural Concepts of Nature: Indigenous People and Protected Spaces of Nature. Helsinki University Press, 2021. P. 139–168. <https://doi.org/10.33134/AHEAD-1-5>

Kenrick J. The paradox of indigenous peoples' rights // World Anthropologies Journal. 2009. Vol. 4. P. 11–55.

Kuper A. The reinvention of primitive society: Transformations of a myth. Routledge, 2017. 236 p.

Mahato N.K. Adivasi (Indigenous people) Perception of Landscape: The Case of Manbhum // Journal of Adivasi and Indigenous Studies (JAIS). 2015. № 1. P. 51–66.

Meriläinen E., Lehtinen A. (2022) Re-articulating forest politics through “rights to forest” and “rights of forest” // Geoforum. 2022. № 133. P. 89–100. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2022.05.010>

Obiero K., Klemet-N'Guessan S., Migeni A., Achiong A. Bridging Indigenous and non-Indigenous knowledge systems and practices for sustainable management of aquatic resources from East to West Africa // Journal of Great Lakes Research. 2023. Т. 49. № 1. P. S128–S137. <https://doi.org/10.1016/j.jglr.2022.12.001>

Poirier R., Ostergren D. Evicting people from nature: Indigenous land rights and national parks in Australia, Russia, and the United States // Natural Resources Journal. 2002. Vol. 42. № 2. С. 331.

Prina F., Tomaselli A. Land and fishing rights of indigenous peoples in Russia// Case study prepared for the Committee on the Implementation of the Rights of Indigenous Peoples of the International Law Association (ILA). 2016.

Roder G., Ruljigaljig T., Lin C. W., Tarolli P. Natural hazards knowledge and risk perception of Wujie indigenous community in Taiwan // Natural Hazards. 2016. Vol. 81. P. 641–662. <https://doi.org/10.1007/s11069-015-2100-4>

Shah A. The dark side of indigeneity?: Indigenous people, rights and development in India // History compass. 2007. Т. 5. № 6. С. 1806–1832. <https://doi.org/10.1111/j.1478-0542.2007.00471.x>

Simon S. Of Boars and Men: Indigenous Knowledge and Co-Management in Taiwan // Human Organization. 2013. Vol. 72. № 3. P. 220–229.

Simonova V.V., Davydov V.N. Non-compliance with fishery regulations in Sakhalin Island: Contested discourses of illegal fishery // International Journal. 2016. Vol. 3. № 3. P. 232–245. <http://doi.org/10.1719/IJHCS>

Snook J., Cunsolo A., Ford J., Furgal C., Jones-Bitton A., Harper S. “Just because you have a land claim, that doesn't mean everything's going to fall in place”: An Inuit social struggle for fishery access and well-being // Marine Policy. 2022. Т. 140. P. 105071. <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2022.105071>

Stammler F., Ivanova A. Confrontation, coexistence or co-ignorance? Negotiating human-resource relations in two Russian regions // The Extractive Industries and Society. 2016. Т. 3. № 1. P. 60–72. <https://doi.org/10.1016/j.exis.2015.12.003>

Svolkinas L., Holmes G., Dmitrieva L., Ermolin I., Suvorkov P., Goodman S.J. Stakeholder consensus suggests strategies to promote sustainability in an artisanal fishery with high rates of poaching and marine mammal bycatch // People and Nature. 2023. № 5. P. 1187–1206. <https://doi.org/10.1002/pan3.10490>

Urzedo D., Robinson C.J. Decolonizing ecosystem valuation to sustain Indigenous worldviews // Environmental Science & Policy. 2023. Vol. 150. P. 103580. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2023.103580>

Wilson E. Est' zakon, est' i svoi zakony: Legal and moral entitlements to the fish resources of Nyski Bay, north-eastern Sakhalin // People and the land: Pathways to reform in post-Soviet Siberia. 2002. С. 149–168.

ИСТОЧНИКИ

Федеральный закон № 82-ФЗ от 30.04.1999 «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации».

Постановление Правительства Российской Федерации от 23.09.2020 № 1520 «Об утверждении Правил ведения списка лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Российской Федерации, предоставления содержащихся в нем сведений, а также осуществляемого в связи с его ведением межведомственного взаимодействия».

Постановление Правительства РФ № 255 от 24.03.2000 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации».

Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 03.12.2018 № 05АП-8306/2018 по делу № А51-7636/2018. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/2KAREcONbZgK/>

Локтионова М. Схватка в море: Чем обернулось нападение на российских пограничников. 2019. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/09/17/12656575.shtml> (дата обращения: 21.06.2020).

Чехов А.П. Остров Сахалин. М.: Русская мысль, 1895.

Stalinov G.A. *, Solonenko E.A.

Laboratory for Local Administration, HSE University
Mjasnickaja st., 20, Moscow, 101000, Russian Federation
E-mail: gstalinov@hse.ru. (Stalinov G.A.); esolonenko@hse.ru (Solonenko E.A.)

Collective fishing with representatives of indigenous peoples of the North as a legalization of fishing for non-indigenous rural residents in the Primorsky Krai

Rural population who lives in the same natural and cultural landscape, and sometimes within the same village, are differentiated in their rights to access natural resources. People classified as indigenous population of the North, Siberia and the Far East (KMNS), unlike officially non-indigenous population, receive legal access to various biological resources. Positive discrimination of particular groups, for various reasons attributed to 'more' indigenous, has been causing controversy among anthropologists and sociologists for several decades, especially regarding the situation of non-indigenous residents of multi-ethnic rural areas who do not have the right of access to natural resources, while living in the same environment. In Russia, this problem is specifically relevant for the coastal regions of the Far East, where fish and salmon roe have been historically the most important resource of self-sustainment for both indigenous residents and resettlers. Using the example of one of the coastal areas of Primorsky Krai, where representatives of indigenous and non-indigenous peoples live alongside each other, we show how unequal distribution of rights to extract natural resources affects communication between them. Based on semi-structured interviews, informal conversations and observations collected during the field research, we have found that individual salmon fishing quotas are becoming a way to partially legalize informal fishing. Villagers go out fishing with their fellow villagers, and in case of the appearance of law enforcement agencies, fishermen from among KMNS take full responsibility for the catch and fishing gear on themselves. Regardless of nationality, rural residents consider it unfair that non-indigenous peoples, who live in the same natural and climatic conditions, and have similar to KMNS economy, have no rights to catch salmonids. Thus, against the background of allocation of quotas for salmonid catching only to indigenous fishermen, new practices of reproduction of solidarity and reciprocity are emerging in multiethnic rural communities.

Keywords: indigenous peoples, indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and Far East, quotas for salmon fishing, informal nature use, poaching, Far East, Primorsky Krai.

REFERENCES

- Abramov, I.V. (2017). Ethnosocial context of whitefish fishing on the Severnaya Sosva River: Formal rules and informal fishing practices. In: *Duhovnaja i material'naja kul'tura mansi*. Ekaterinburg, 6–22. (Рус.).
- Abramov, I.V. (2021). 'Territories of Traditional Nature Use' without indigenous users — case of Western districts of Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra. *Vestnik antropologii*, (2), 324–339. (Рус.). <https://doi.org/10.33876/23110546/2021-54-2/324-339>
- Berezniatsky, S. (2020). Reciprocal relations in the fishing technologies of indigenous peoples of the Amur-Sakhalin region. *Kunstkamera*, (1), 127–134. (Рус.). [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-1\(7\)-127-135](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2020-1(7)-127-135)
- Colchester, M. (2003). Salvaging nature: indigenous peoples and protected areas. In: Ghimire K.B., Pimbert M.P. (Eds.). *Social change and conservation*. Routledge.
- Davis, A., Jentoft, S. (2001). The challenge and the promise of indigenous peoples' fishing rights — from dependency to agency. *Marine policy*, 25(3), 223–237.
- Davydov, V.N. (2019). Informal Land Use in Northern Baikal: Extraction of Bioresources in "Free Spaces". *Etnograficheskoe obozrenie*, (4), 76–88. (Рус.). <https://doi.org/10.31857/S086954150006193-2>
- Davydov, V.N., Simonova, V.V., Sem, T.Yu., Brandishauskas, D. (2016). *Fire, Water, Wind and Stone in the Evenk Landscapes: The Relationship of Man and Nature in Baikal Siberia*. St. Petersburg: MAE RAN. (Рус.).

* Corresponding author.

Коллективная рыбалка с представителями коренных малочисленных народов Севера...

- Donaho, B., Istomin, K.V. (2010). Changes in praxis of regulating access of some siberian reindeer herders to the natural resources. *Novye issledovaniya Tuvy*, 2010, (4), 55–119. (Rus.).
- Ermolin, I. (2015). Communal Self-Regulation of «Informal» Economy: Evidences from Northern Dagestan in Russia. *Ekonomicheskaya Politika*, 10(1), 159–176. (Rus.).
- Ermolin, I., Suvorkov, P. (2020). Towards the Theory of the Autonomous Community: Ex-Polar Economy Structures in Coastal Fishing in Southern Russia. *Mir Rossii*, 29 (2), 156–178. (Rus.). <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-2-156178>
- Girard, F., Hall, I., Frison, C. (2022). *Biocultural rights, indigenous peoples and local communities: Protecting culture and the environment*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003172642>
- Ghurye, G. (1943). The aborigines — “so called” — and their future. *Gokhale Institut of Politics and Economics. Publication*, (11).
- Gladun, E., Nysten-Haarala, S., Tulaeva, S., Zakharova, O. (2022). Indigenous Economy in the Arctic Regions: Traditions, Market, State: (On the Example of the Transformation of the Economic Activity of the Indigenous Peoples in Russia, Finland, and the USA). *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 23(3), 11–41. (Rus.). <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-3-11-41>
- Hiah, J. (2022). (Shared) ethnicity in ethnographic research on clandestine and informal practices in the migrant and ethnic minority economy. *Work Organisation, Labour&Globalisation*, 16(1), 88–103. <https://doi.org/10.13169/workorgalaboglob.16.1.0088>
- Hiriart-Bertrand, L., Silva, J.A., Gelcich, S. (2020). Challenges and opportunities of implementing the marine and coastal areas for indigenous peoples policy in Chile. *Ocean & Coastal Management*, (193), 105233. <https://doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2020.105233>
- Kettunen, H., Cuxil, A. (2021). Indigenous People, National Parks, and Biodiversity in The Maya Region. In: *Bridging Cultural Concepts of Nature: Indigenous People and Protected Spaces of Nature*. Helsinki University Press, 139–168. <https://doi.org/10.33134/AHEAD1-5>
- Kenrick, J. (2009). The paradox of indigenous peoples' rights. *World Anthropologies Journal*, (4), 11–55.
- Kuper, A. (2017). *The reinvention of primitive society: Transformations of a myth*. Routledge, 236.
- Kondrashev, A.A., Zenkina, A.B., Ron'zhina, O.V. (2018). The legal regime of the Arctic territories of the Russian Federation and the granting of special rights to the indigenous (aboriginal) peoples. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*, 18(1), 59–78. (Rus.). <https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.5978>
- Mahato, N.K. (2015). Adivasi (Indigenous people) Perception of Landscape: The Case of Manbhum. *Journal of Adivasi and Indigenous Studies*, (1), 51–66.
- Meriläinen, E., Lehtinen, A. (2022). Re-articulating forest politics through “rights to forest” and “rights of forest”. *Geoforum*, (133), 89–100. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2022.05.010>
- Nansen, F. (2021). *Skiing across Greenland. Life of the Eskimos*. Moscow: Paulsen. (Rus.).
- Novikova, N.I. (2014). *Hunters and oil workers: Researches on legal anthropology*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Novikova, N.I. (2019). Aboriginal entrepreneurship in Russia: Resources, technologies and social institutes. *Vestnik antropologii*, 46(2), 5–18. (Rus.). <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2019-46-2/5-18>
- Novikova, N.I. (2020). Energy of entrepreneurship in traditional nature use of indigenous peoples of the Sakhalin North. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii*, 16(3), 127–140. (Rus.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-127-140>
- Obiero, K., Klemet-N'Guessan, S., Migeni, A., Achieng, A. (2023). Bridging Indigenous and non-Indigenous knowledge systems and practices for sustainable management of aquatic resources from East to West Africa. *Journal of Great Lakes Research*, 49(1), 128–137. <https://doi.org/10.1016/j.jglr.2022.12.001>
- Panikarova, S. (2014). Traditional Economic Institutions of Aboriginal Nations and Their Role in the Formation of Institutional Structure of Multiethnic Regions. *Mir Rossii*, 23(3), 124–149. (Rus.).
- Pivneva, E.A. (2019). “How much does a fish tail weigh?": Ethnicity and bureaucracy in traditional fishing in the Ob North. *Vestnik antropologii*, (2), 86–102. (Rus.). <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2019-46-2/86-102>
- Poirier, R., Ostergren, D. (2002). Evicting people from nature: Indigenous land rights and national parks in Australia, Russia, and the United States. *Natural Resources Journal*, 42(2).
- Pozanenko, A.A. (2022). How people perceive their role in the natural environment: The Primorye paradox. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 58(3), 165–173. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2022-58-3-15>
- Prina, F., Tomaselli, A. (2016). Land and fishing rights of indigenous peoples in Russia. In: *Case study prepared for the Committee on the Implementation of the Rights of Indigenous Peoples of the International Law Association (ILA)*. URL: https://www.academia.edu/26984175/Land_and_fishing_rights_of_indigenous_peoples_in_Russia_authored_by_Federica_Prina_and_Alexandra_Tomaselli_
- Rahmanova, L. (2019). Fishermen and Supervisory Instances on the Ob' River: Law Enforcement in the Shadow of Local Rules of the Game. *Etnographicheskoe obozrenie*, (4), 45–60. (Russ.) <https://doi.org/10.31857/S086954150006191-0>
- Roder, G., Ruljigalig, T., Lin, C.W., Tarolli, P. (2016). Natural hazards knowledge and risk perception of Wujie indigenous community in Taiwan. *Natural Hazards*, (81), 641–662. <https://doi.org/10.1007/s11069-015-2100-4>
- Shah, A. (2007). The dark side of indigeneity?: Indigenous people, rights and development in India. *History compass*, 5(6), 1806–1832. <https://doi.org/10.1111/j.1478-0542.2007.00471.x>

Shevliakov, E.A. (2013). Structure and dynamics of coastal illegal fishing of Pacific salmon in Kamchatka nowadays. *Rybnoe khoziaistvo*, (2), 58–64. (Rus.).

Simon, S. (2013). Of Boars and Men: Indigenous Knowledge and CoManagement in Taiwan. *Human Organization*, 72(3), 220–229.

Simonova, V.V. (2021). Secrets of the landscapes of the Evenks of the Northern Baikal region: Reciprocation of knowledge and collection of non-timber forest resources. *Ethnologia*, 17(3). 60–78. (Rus.). <https://doi.org/10.21285/2415-87392021-3-60-78>

Simonova, V.V., Davydov, V.N. (2016). Non-compliance with fishery regulations in Sakhalin Island: Contested discourses of illegal fishery. *International Journal*, 3(3), 232–245. (Rus.). <http://doi.org/10.1719/IJHCS>

Snook, J., Cunsolo, A., Ford, J., Furgal, C., Jones-Bitton, A., Harper, S. (2022). “Just because you have a land claim, that doesn’t mean everything’s going to fall in place”: An Inuit social struggle for fishery access and well-being. *Marine Policy*, (140), 105071. <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2022.105071>

Stammler, F., Ivanova, A. (2016). Confrontation, coexistence or co-ignorance? Negotiating human-resource relations in two Russian regions. *The Extractive Industries and Society*, 3(1), 60–72. <https://doi.org/10.1016/j.exis.2015.12.003>

Startsev, A. (2005). *Culture and life of Udege people (The second half of the XIX–XX centuries)*. Vladivostok: Dalnauka. (Rus.).

Sternberg, L. (1933). Family and family among the peoples of North-East Asia. Leningrad: Izd-vo In-ta narodov Severa TsIK SSSR. (Rus.).

Svolkinas, L., Holmes, G., Dmitrieva, L., Ermolin, I., Suvorkov, P., Goodman, S.J. (2023). Stakeholder consensus suggests strategies to promote sustainability in an artisanal fishery with high rates of poaching and marine mammal bycatch. *People and Nature*, (5), 1187–1206. <https://doi.org/10.1002/pan3.10490>

Turaev, V. (2017). Traditional fishery as a conflict of interest among aboriginal communities, business and government. *Rossiia i ATR*, (2), 177–194. (Rus.).

Urzedo, D., Robinson, C. J. (2023). Decolonizing ecosystem valuation to sustain Indigenous worldviews. *Environmental Science & Policy*, 150, 103580. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2023.103580>

Wilson E. (2002). Est' zakon, est' i svoi zakony: Legal and moral entitlements to the fish resources of Nyski Bay, north-eastern Sakhalin. In: *People and the land: Pathways to reform in post-Soviet Siberia*, 149–168.

Сталинов Г.А., <https://orcid.org/0000-0001-7806-3413>

Солоненко Е.А., <https://orcid.org/0000-0001-7616-8692>

Сведения об авторах:

Сталинов Георгий Андреевич, аналитик, НИУ Высшей школы экономики, Москва.

Солоненко Елизавета Андреевна, Аналитик, НИУ Высшей школы экономики, Москва.

About the authors:

Stalinov Georgii A., Analyst, National Research University Higher School of Economics, Moscow.

Solonenko Elizaveta A., Analyst, National Research University Higher School of Economics, Moscow.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 28.02.2024

Article is published: 15.06.2024